

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Вячеслава Андреевича Вербового
«Архиерейское служение Русской православной церкви
в российской провинции (1965–1990 гг.)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история

Представленная работа является весомым свидетельством процессов, происходящих в отечественной историографии. В предшествующие десятилетия доминировало увлечение масштабными темами, связанными с изучением государственно-церковных отношений на разных этапах их развития. Сегодня исследователи все больше обращаются к проблематике низовой религиозной жизни советского периода, то есть к тем процессам, которые происходили на уровне епархий, приходов или той или иной их совокупности. Хочется подчеркнуть, что речь идет не о изменении масштаба исследовательских задач, не о переходе, так сказать, к мелкотемью, а об изменении исследовательской оптики, задачей которого является формирование комплексного представления о прошлом. Такого представления, в котором находят свое место не только государственные и церковные элиты, но и рядовые верующие, и, если можно так выразиться, рядовые епископы. С этой точки зрения, нельзя не приветствовать обращение автора к исследованию жизни трех соседних епархий южноволжского и южноуральского регионов.

В фокусе внимания автора Куйбышевская, Саратовская и Оренбургская епархии, которыми в рассматриваемый в работе период соответственно управляли епископы Иоанн (Снычев), Пимен (Хмелевской) и Леонтий (Бондарь). Имеет смысл напомнить, что Куйбышевская епархия в то время включала в себя и территорию Ульяновской области, а Саратовская – и

Волгоградской. Таким образом, географические рамки исследования охватывают обширный регион, включавший пять областей (с. 7). Обращение к истории разных епархий позволяет В.А. Вербовому активно использовать сравнительный метод исторического исследования. Также достойно всяческой поддержки обращение соискателя к хронологическому периоду второй половины 1960-х – 1980-х годов, который сегодня с точки зрения истории церкви исследован явно недостаточно. Работа автора призвана внести вклад в восполнение этого пробела.

Соискатель использует в своей работе семь крупных архивных собраний, прежде всего государственные, но также и церковные, хотя материалы из них привлекаются неравномерно. При формировании источниковой базы исследования автор обращался и к устной истории, записав интервью с одним из уполномоченных Совета по делам религий Куйбышевской области. Безусловно обоснованно включение в работу раздела, посвященного особенностям исторической памяти об архиереях южноволжских епархий, рассматриваемого периода. Эта проблема рассмотрена на самом разном источниковом материале, в том числе на материале различных групп в социальных сетях, посвященных этим священнослужителям (с. 165 и след.). Это также представляется обоснованным.

Исключительно интересными представляются страницы диссертации (с. 113 и след.), посвященные противостоянию архиереев поволжских епархий и местных и центральных светских и церковных властей в связи с эпидемией холеры 1970 г. и связанных с ней санитарных ограничений. Актуальность исследования этого эпизода более чем очевидна. Соискатель приходит к выводу – и с ним в целом можно согласиться, – что власти не стремились использовать противоэпидемиологические ограничения для дальнейшего ущемления и без того ограниченных прав верующих, хотя последними, в том числе епископами, ограничения воспринимались именно так.

Между тем бросается в глаза, что автор не дает в своей работе характеристику, хотя бы обзорную и краткую, государственно-церковных

отношений этого периода. В научной литературе является консенсусом, что именно характер государственно-церковных отношений определял жизнь церкви в советскую эпоху. Следовало бы начать работу с их, хотя бы обобщенной, характеристики для рассматриваемого автором периода. Это стало бы контекстом для рассмотрения всех тем данного исследования. Нет сомнений, что такой контекст необходим, но в диссертации он не представлен, а без него невозможно правильно оценить, ни поведение местной власти в отношении церкви, ни отношения епископов с этой властью, ни характер их внутрицерковной активности, ни степень компромиссов, на которые они шли.

Правда, по тексту диссертации рассыпаны отдельные упоминания о разных аспектах государственной политики в отношении церкви 1960–1980-х гг., но они не составляют целостной картины, а часто и не объясняются. Например, на с. 77 мы, как бы между прочим, узнаем о действовавшей в отношении духовенства налоговой системе, крайне обременительной, существование которой было безусловным контекстом деятельности архиереев. На с. 89, опять же вскользь, упоминаются Комиссии содействия по соблюдению законодательства о культах при исполкомах, создававшиеся как раз в середине 1960-х гг. Но автор не объясняет, что это такое и какую роль играли комиссии в отношениях власти и верующих на местах. При том, что деятельности комиссий посвящен целый ряд статей разных историков, оставшийся автору неизвестным.

При разговоре об активизации атеистической пропаганды и попытках создания советской обрядности (с. 90 и след.), то есть о теме, к которой неоднократно обращались исследователи, соискатель не дает никакого исторического контекста и ссылок на литературу. Тогда как можно было бы сослаться хотя бы на такую обобщающую работу как «Свято место пусто не бывает» Виктории Смолкин. На с. 123 автор формулирует важный тезис о связи религиозной политики внутри СССР середины 1970-х гг., ее некоторой «либерализации» с подписанием Хельсинкских соглашений, однако не

аргументирует его, не развивает и не дает ссылок на литературу (например, на статьи Н.А. Беляковой, Н.Ю. Пивоварова и др.). Также мельком, без конкретизации соискатель говорит об изменениях с началом Перестройки положения Православной церкви (с. 72), а ведь именно эти изменения создали новые условия для жизни епархий.

Одним из существенных упущений автора является отсутствие описания последствий хрущевского наступления на церковь, а ведь именно оно сформировало многие аспекты государственно-церковных отношений рассматриваемого им периода. Важнейшим компонентом этого наступления была так называемая «административная реформа» 1961 г., которая отстранила священников от управления хозяйством приходов, выдвинула на первый план приходских старост, поставив в зависимость от них не только духовенство, но и епископат, и в целом создала новую конфигурацию отношений власти и церкви на уровне епархии.

На страницах диссертации автор трижды упоминает «административную реформу» 1961 г. (с. 8, 121, 168), каждый раз буквально в одном предложении. Но содержательной характеристики «реформы» и ее последствий в работе нет, и это не позволяет автору понять подлинный контекст деятельности архиереев. При этом в монографиях и статьях, посвященных этому периоду, например, О.Ю. Васильевой, было показано, что вплоть до начала 1970-х гг. епископат и духовенство Русской церкви пытались пересмотреть итоги административной реформы и только после того, как все такие попытки были заблокированы, изменили свою тактику. Возможно, именно этим объясняется изменение поведения в отношениях с властью и трех изучаемых соискателем епископов. Автор отмечает это изменение (например, на с. 127), но не ставит его в контекст государственно-церковных отношений, а поэтому и недостаточно точно его интерпретирует.

Отсутствие необходимой контекстуализации материала приводит к невозможности его правильного структурирования. Сейчас работа, по сути, начинается с изложения административной деятельности архиереев

(достаточно хаотичного) (раздел 1.2), затем следует описание их проповеднической деятельности (раздел 1.3), и только во второй главе автор переходит к реконструкции отношений епископов с государственной властью (разделы 2.1 и 2.2), тогда как именно от характера этих отношений зависела и административная, и просветительская деятельность архиереев. Логичнее было бы начать с описания общих параметров государственно-церковных отношений рассматриваемого периода, в том числе и последствий «административной реформы» 1961 г., затем охарактеризовать особенности отношений епископов и властей на региональном уровне и только после этого переходить к описанию церковно-административной и церковно-проповеднической деятельности архиереев.

Нет в работе и характеристики советского законодательства о культах, актуального для рассматриваемого периода. Между тем в 1960–1970-е гг. издавались сборники и обобщающие работы, которые достаточно подробно описывали детали этого законодательства и практику его применения. (См., например, Законодательство о религиозных культах (Сборник материалов и документов) / под ред. В.А. Куроедова. 2-е изд. М., 1971; Куроедов В. Советское государство и церковь. М., 1976.) Слабо представлена в диссертации и обобщающая исследовательская литература по истории церкви и в целом СССР этого периода. В частности, вызывает удивление отсутствие даже в списке литературы работ такого крупного исследователя как Татьяна Александровна Чумаченко. Не использует автор и обобщающие работы по истории государства в позднем СССР, например, такую известную работу как книга Р.Г. Пихои «Советский Союз: история власти».

Недостаточное знакомство с литературой обуславливает слабую проблематизацию материала, преобладание в работе описательности, а часто и отсутствие выводов. Так, на с. 63 автор дает интересную информацию о росте числа поминальных обрядов, но не крещений и венчаний, но не пытается проанализировать эту тенденцию. Хотя напрашивается вывод, что такой дисбаланс был обусловлен изменением возрастной структуры

прихожан, их старением. На с. 70 соискатель описывает конфликт между архиепископом Пименом и волгоградскими прихожанами, но не делает даже попытку его интерпретации, ограничиваясь пересказом источников. Также на с. 81–82 диссертант фиксирует разницу в динамике совершения церковных обрядов в Куйбышевской и Оренбургской епархиях, но не объясняет, хотя бы в виде гипотезы, чем она вызвана. На с. 91, закончив описание различных форм атеистической пропаганды, автор сразу переходит к рассказу о проповедях архиепископа Пимена, не подведя никакого итога предшествующему изложению.

К приведенным примерам примыкают и другие огрехи текста: от неисправленных опечаток (ВКЛСМ вместо ВЛКСМ на с. 90) до странной формулировки самого названия работы. Она называется «Архиерейское служение Русской православной церкви в российской провинции», но кажется, что пропущен предлог «в» (архиерейское служение *в* Русской православной церкви...), ведь сложно представить, что архиерейское служение осуществляет Русская церковь как институт. На с. 164 автор обещает читателю, что взгляды митрополита Иоанна (Снычева), «которые нашли отражение в публицистике, будут подробно рассмотрены в следующем параграфе». Однако тот раздел работы, в котором содержится это обещание, является последним разделом диссертации; никакого «следующего параграфа» в ней нет. Такая небрежность вызывает недоумение.

Выскажем и несколько более частных замечаний, относящихся к самому – как представляется – удачному разделу представленной работы, посвященному исследованию исторической памяти об архиереях.

Конфликт вокруг памятника митрополиту Иоанну (Снычеву), описываемый автором (с. 143 и след.), особенно начальная его фаза, разворачивался на фоне тогда еще высокой активности таких движений как царебожничество и «движение против кодов». Сегодня они квалифицируются как деструктивные парарасправославные течения (Силантьев Р.А. (ред.) Деструктология: Материалы к курсу повышения квалификации. М., 2024. С.

85 и след.). Царебожники воспринимали труды митр. Иоанна как созвучные их идеям. Поэтому именно с динамикой скандалов вокруг царебожников и борцов против кодов можно связать осторожность как самарских властей в вопросе об установке памятника митр. Иоанну, так и эволюцию позиции Самарской епархии, о которой автор пишет, что она «менялась без видимых причин» (с. 148). Напомним, что именно в 2007 г., то есть в начале дискуссии о памятнике, на всю страну прогремела история пензенских затворников, несколько недель, находившихся в самодельной пещере в ожидании конца света.

Нельзя согласиться и с аргументами автора относительно проблемы авторства поздних трудов митр. Иоанна (с. 163–164). Утверждение, что все эти труды подлинны, поскольку подлинна его книга о митр. Филарете (Дроздове), не может считаться весомым аргументом, так как в научной среде сомнению подвергается авторство именно поздних крупных публицистических работ митрополита, таких как «Самодержавие духа», а не ранних церковно-исторических трудов. В связи с этим вызывает удивление, что автор, подробно разобрав публицистику митрополита Иоанна, полностью обошел вниманием его историко-научные труды, посвященные митр. Филарету (Дроздову) и церковным расколам 1920–1930-х гг. В последней книге вводились в оборот материалы архива митрополита Мануила, и она до сих пор сохраняет свою научную значимость. При этом она на страницах диссертации даже не упомянута.

Высказанные замечания не отменяют достоинств представленной работы, перечисленных в начале данного отзыва. Диссертация В.А. Вербового «Архиерейское служение Русской православной церкви в российской провинции (1965–1990 гг.)» является законченным, самостоятельным научным исследованием и является научно-квалификационной работой, которая соответствует требованиям пунктов 9–11, 13–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в

актуальной редакции), а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук,

ведущий научный сотрудник

Отдела новой и новейшей истории

ФГБУН Институт всеобщей истории РАН

Беглов Алексей Львович

28 мая 2025 г.

Контактные данные:

тел.: +7-495-938-00-76, e-mail: al.beglov@igh.ru

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы:

119334, Москва, Ленинский пр., 32а, Институт всеобщей истории РАН

Тел.: +7-495-938-00-76, e-mail: dir@igh.ru